

Ариадна Кузнецова

Москва

К вопросу о супине и его функциях в селькупском языке

Характерной чертой многих языков генетически разных семей является наличие в них так называемых инфинитных форм. В европейском языкознании к выделению таких форм подходят обычно с морфологической точки зрения и относят к ним формы глагола, не изменяющиеся (в отличие от самого глагола) по категориям лица, времени и наклонения. Это инфинитив, супин, герундий, деепричастия, причастия, имена действия. Впрочем, набор самих инфинитных форм в различных языках бывает представлен по-разному. В уралистике, тюркологии, кавказоведении и других лингвистиках также употребляется термин "инфинитные формы", однако, несмотря на традиционность термина, подход к выделению и описанию инфинитных форм здесь должен быть принципиально иным. Связано это с тем, что во многих языках, например, в урало-алтайских, формы, которые называют инфинитными, имеют показатели и категории как глагола, так и имени. Наличие таких гетерогенных признаков в слове позволяет относить инфинитные формы одновременно к разным частям речи (Кузнецова 1994: 71). В тюркологии инфинитные формы часто называют "неконечными". Данный термин свидетельствует о синтаксическом подходе к анализу инфинитных форм, способных исполнять роль зависимого предиката в полипредикативных конструкциях. В последние десятилетия подобный (синтаксический) подход к анализу инфинитных форм встречается и в уралистике (см. Коваленко 1984; Мартынова 1993; Кузнецова 1995; работы новосибирских лингвистов). Эти два подхода не сводятся воедино, отсюда проистекает и отсутствие единообразия в трактовке инфинитных форм в разных уральских языках.

Особенно большой разницей царит в истолковании форм инфинитива. В инфинитиве можно выделить два основных типа – *простой инфинитив*, в котором, как и в индоевропейском инфинитиве, нет финитных форм, и инфинитив, обладающий некоторыми признаками имени; чаще всего это бывает *посессивный инфинитив* в форме какого-либо падежа (одного или нескольких), изменяющийся по лицам и числам. При знакомстве с многочисленными классификациями, страдающими своей неустойчивостью, возникает вопрос: если в некоторых уральских языках, причем в разных по-разному, инфинитив изменяется по лицам и числам, имеет посессивные формы и хотя бы одну падежную форму, то можно ли его считать инфинитной формой, то есть не имеющей словоизменительных форм (включая, помимо только что перечисленных, еще и показатели способов глагольного действия)? Учет семантического критерия (в дополнение к морфологическому) позволяет порою выделять в составе инфинитива особую целевую форму – супин. При этом в одних языках супин трактуется как самостоятельная инфинитная форма, существующая параллельно с инфинитивом, в других – как инфинитивная (иначе говоря, как разновидность инфинитива), в третьих его не выделяют вообще. В книге (Уральские языки 1993) лично-притяжательная форма инфинитива отмечена для марийского языка (с. 160), коми-зырянского (с. 224), венгерского (с. 271), но о супинном значении ее ничего не сказано. В качестве самостоятельной формы наряду с инфинитивом супин выделяется в самодийских языках – ненецком (с. 337), энецком (с. 348) и в нганасанском, где инфинитив отсутствует, а супин имеет лично-числовые формы (с. 355). В группе прибалтийско-финских языков супин (помимо инфинитива) отмечается в ливском языке (с. 87); здесь он существует в застывших формах четырех падежей. В финском инфинитивом

называются фактически все инфинитные формы: отглагольные существительные, причастия, деепричастия и собственно инфинитивы. Супин выступает как разновидность инфинитива I, образованная с помощью показателя *-kse-* от краткой (основной) формы инфинитива I и употребляемая всегда с соответствующими лично-притяжательными суффиксами (с. 106). Впрочем, данная классификация не является единственной и общепринятой. Часто причастные и деепричастные формы в рамках инфинитных форм отделяются от четырех или пяти инфинитивных форм, классифицируемых тоже различными способами (Керт 1953; Дубровина 1972, 1977; ОФУЯ 1975; Хакулинен 1953, 1955 и другие). Таким образом, из 22 живых языков, описанных в книге "Уральские языки", в явном виде супин упомянут как самостоятельная инфинитная форма лишь в пяти языках (трех самодийских и двух прибалтийско-финских). Лично-притяжательные формы инфинитива рассматриваются еще в трех названных языках безотносительно к семантике формы, а в селькупском – с учетом семантики инфинитива.

Более логично считать "инфинитные формы", соединяющие в себе именные и глагольные показатели (в отличие от тех форм, которые не имеют показателей двойственной природы), категориями субстантивной, адвербиальной, адъективной репрезентаций, как это делает Е.А. Хелимский в книге "Уральские языки" при описании селькупского языка, употребляя, правда, параллельно и термин "нефинитные формы глагола" (Хелимский 1993: 369–370). Категория репрезентации свидетельствует о наличии шкалы переходности между разными частями речи. К сожалению, трактовка самого понятия "категория репрезентации" ограничивается, в основном, морфологическим подходом к нему (Очерки 1980: 158), в то время как выяснение сущности супина настоятельно требует обращения к его синтаксической функции.

В селькупском языке к категории субстантивной репрезентации глагола относится инфинитив и имена действия I и II (Очерки 1980: 249–253). В "Очерках по селькупскому языку", написанных на материале тазовского диалекта, говорится о том, что инфинитив может выступать в предложении "как обстоятельство цели (то есть в супинном значении)"; в этом случае он, как правило (значит, не всегда – А. К.), употребляется с показателями *посессивности* (выделено мною – А. К.), указывающими на субъект обозначенного инфинитивом действия (который может и не совпадать с субъектом основного глагола)" (Очерки 1980: 249). Иными словами, в качестве самостоятельной инфинитной формы, которая имела бы свои показатели и особое значение, супин для северных диалектов селькупского языка в "Очерках..." не выделяется. Он считается семантической разновидностью инфинитива, который может иметь показатели *посессива*, не имея при этом целевого значения.

Если в северных диалектах селькупского языка супин до последнего времени трактовался как инфинитив с целевым значением в *посессивной* форме транслатива (Очерки 1980: 249–250), то в южных диалектах он идентифицировался с деепричастием в целевом значении (Кузнецова 1996: 189–190; 1995: 227–228). Как отдельная инфинитная форма (по сравнению с деепричастиями или хотя бы в их пределах), обладающая не только своим способом выражения, но и своим значением, в южных диалектах селькупского языка супин также не рассматривался. При этом Н.Г. Кузнецова вслед за Б.А. Серебренниковым пишет о возможности появления в целевых предложениях как деепричастия (=инфинитная форма), так и императива (=наклонение). **Чем же в таком случае является супин – инфинитной формой или наклонением?** Более того, Н.Г. Кузнецова считает, что в селькупском языке "императивная функция формировалась на базе целевой (дестинативной)" (Кузнецова 1995: 230), в отличие от венгерского языка, в котором, по мнению Б.А. Серебренникова, императивное значение формы первично по отношению к целевому. Чисто семантический (то есть с точки зрения семантики формы) подход к выделению супина в самостоятельную единицу в языке явно недостаточен. Робкую попытку выделить

супин в качестве самостоятельной инфинитивной формы в селькупском языке приняла Е.И. Мартынова, которая писала, что "основным средством выражения целевой семантики в селькупском языке являются синтетические конструкции с инфинитивом, простым деепричастием и супином" (Мартынова 1993: 14). По ее мнению, выбор одной из трех форм зависимой предикативной единицы определяется семантикой глагола главной предикативной единицы, чаще всего – глаголом движения. Е.И. Мартынова, как и другие исследователи селькупского языка (Казакевич 1990: 93–103; Хелимский 1980: 249), считает, что и супин (целевой инфинитив), и обычный инфинитив могут иметь как посессивные формы, так и непосессивные. Для подтверждения или опровержения данного высказывания необходимо было бы провести исследование супина в селькупском языке с точки зрения функционирования его в предложениях разного типа и сравнить полученные результаты с функционированием простого инфинитива.

Между тем, ни авторы "Очерков...", ни Н.Г. Кузнецова, ни Е.И. Мартынова, специально изучавшая конструкции с инфинитивными формами в рамках теории полипредикативности, не задавались вопросом, может ли (и сколь часто) простой инфинитив (без лично-притяжательных показателей) употребляться в целевом значении, а инфинитив с показателями посессивности – в конструкциях, не имеющих целевого значения. И соответственно: сколь часто употребляется в южных говорах деепричастие в качестве супина (то есть в целевом значении) и имеет ли оно специфическую форму выражения сравнительно с деепричастием с не целевым значением?

В настоящем докладе я использую 1) материалы северного диалекта селькупского языка, собранные Г.Н. Прокофьевым в 1920–1930-е и Л.А. Варковицкой в 1941 г. (Прокофьев 1935, 1937; Варковицкая 1941); 2) материалы, опубликованные в 1993 г. авторами "Очерков..." (Очерки 1993); 3) личные записи 1998–1999 гг., сделанные в Туруханском районе Красноярского края, где в свое время работали Г.Н. Прокофьев и Л.А. Варковицкая. Эти записи включают фольклорные тексты, бытовые рассказы, небольшие диалоги, рассказы по картинкам, наконец, отдельные фразы, полученные в результате опроса информантов по специальным вопросам, которые были подготовлены для выявления особенностей функционирования инфинитивов с целевым значением в селькупском предложении (две экспедиции в с. Фарково оказались возможными благодаря финансовой поддержке фонда "Открытое общество" Грант 1567/801/1998).

Корпус проанализированных материалов Л.А. Варковицкой охватывает около 1700 предложений, содержащих приблизительно столько же глаголов. Таков же объем использованного материала, собранного в 1970-е гг. и изданного в 1993 г. К сожалению, тексты 1990-х гг. относятся в основном к тазовскому диалекту селькупского языка в отличие от текстов 1941 г., представляющих собой образцы туруханского диалекта, впрочем, достаточно близкого к тазовскому.

В результате проведенного анализа (главным образом, фольклорных текстов и небольшого количества бытовых рассказов) было обнаружено, что такие глагольные формы, как инфинитив (в том числе и с целевым значением), – явление необычайно редкое, находящееся на периферии селькупского языка. Формы простого и целевого инфинитива составили во взятой выборке (проверенной затем по контрольной выборке) суммарно около 2% от количества всех глаголов: их менее 2% (1,8%) по корпусу Л.А. Варковицкой и более 2% (2,4%) – по корпусу 1993 г. При столь незначительном удельном весе инфинитивов в живой речи селькупов инфинитив, казалось бы, мог быстрее других языковых форм исчезнуть из языка. Однако носители языка, забываящие часто те или иные значения глаголов и глагольные формы, обычно называли, восстанавливая в памяти слово, именно инфинитив и лишь после этого вспоминали необходимую им форму из глагольной парадигмы.

В текстах Л.А. Варковицкой на 1721 глагол приходится всего лишь 31 инфинитив. Среди этих инфинитивов встретилось 13 инфинитивов с целевым значением, имеющих лично-числовое посессивное оформление (супинов), 12 простых инфинитивов без аффиксов посессивности с не целевым значением и 6 простых инфинитивов (без лично-притяжательной формы), но употребленных с целевым значением. *Функционирования инфинитива в лично-числовой притяжательной форме (то есть супина) в не целевом значении не встретилось ни разу ни в одном тексте!*

Аналогичная картина представлена в текстах 1993 г. по тазовскому диалекту. Здесь отмечено в общей сложности 42 инфинитивных формы, из которых простых инфинитивов – 28, супинов – 23 и один единственный пример – на использование простого инфинитива в целевом значении.

Простой инфинитив имеет в тазовско-туруханских говорах показатель *-qo/-qa*, прибавляемый непосредственно к глагольной основе и совпадающий с аффиксом транслатива, присоединяемым к форме генетива: *Kul'šöl' qum toqunä qän-qo tenyrpa* 'Простой человек (назад) домой идти думает' и *üt-üt-qo qoišqo* 'за водой сходить' (1993); *Imaty kuly söl'qum-üt-qo esa* 'Жена-его простым человеком стала' (1941) и *Te ontut kuttar ily-qo tenymylyt nil'cik ilylylyt* 'Вы сами как жить думаете, так и живите' (1941). Здесь и далее примеры из материалов Л.А. Варковицкой 1941 г. даются в ее транскрипции, но с заменой *ь* на *у*, *у* на *й* и неразличением по техническим причинам *i* напряженного и ненапряженного). Не случайно Л.А. Варковицкая писала: "Назначительный падеж (так Л.А. Варковицкая называет транслатив – А.К.) и инфинитив в конце концов одно и то же" (Варковицкая 1941, тетр. 1: 33а). По ее мнению, "между инфинитивом и назначительным падежом нельзя провести резкой разницы" (Варковицкая 1941, тетр. 1: 36а).

Формы простого инфинитива, не осложненного показателями посессивности, нередки в безличных предложениях (*Amqo ašša ēja* 'Кушать невозможно', буквально 'Кушать не есть'); они могут сочетаться с глаголами, выражающими начинание, необходимость, возможность, прекращение действия, предостережение и т.п.: *šäqqyqo nāna* 'ночевать надо'; *Mat ilyqo tacalpak* 'Я жить не в состоянии'; *Qaryn innä wəša, amyrna, qänqolamnyty* 'Утром встал, ест, уезжать собрался' (1993). В последнем предложении инфинитив (*qänqo* 'уйти, уехать'), стоящий *всегда* в непосессивной форме, сочетается со спрягаемым глаголом *olamqo* 'начать, собраться', образуя сложный глагол с выпавшим гласным на стыке слов. Сложные глаголы, вторым компонентом которых является глагол *olamqo*, обычно встречаются в финитной форме. Они представляют собой глаголы начинательной (инхоативной) совершаемости с высокой частотой встречаемости их в текстах.

Следует, наконец, указать на возможность употребления простого инфинитива в целевом значении. В этих случаях **простой инфинитив** обычно **выступает в функции обстоятельства цели**.

Например: *Imaqota porqumty (nätēnkanyk) šütyrqo miñyty* 'Старуха парку-свою шить дала' (1941); *Qarynyty sñtyrqo* 'Он зовет играть'; *Il'ca ā'ca qontyqo* 'Старик лег спать'; *Jurocka porqumty sanalqo qalyša, porqum tenpnytryqo* 'Юрочка сеть-свою проверить остался, сеть посмотреть' (1998–1999) и т.п.

Посессивный инфинитив в селькупском языке, как уже говорилось, имеет формы лица и числа и образован от посессивной формы транслатива. Кроме того, он имеет только целевое значение. Именно эту форму и **следует считать супином**.

Общепринятым является мнение о том, что супины встречаются с глаголами движения. Действительно, примеров такого типа – достаточно много (так, из 13 у Варковицкой их 6). Например: *Mat amyrqonoqo toqunä koñcintak* 'Я, (чтобы) поест-мне, домой пойду' (глагол *qonišqo=qoišqo/koišqo* 'ходить, сходить за чем-либо').

Однако немало супинов употребляется и с глаголами других семантических групп:
– *Takkyl'emuty moqunä qəŋquntoqo nälämtü miŋuty* 'Северный черт, (чтобы) назад пойти-ему, девку дал';

– *Moqunä qəŋquntoqo šintü pelytuntak* 'Назад (чтобы) пойти-тебе, тебе помогу-я' (глагол *pelytūqo* в селькупском языке управлял Асс.);

– *Nomqunu nil'cil' äty: Na qur nomtu innä syqylqəntoqo innät ilyquntoqo* 'С неба такое слово: "Этот человек (находится здесь), (чтобы) к богу / на небо наверх залезть-ему, (чтобы) наверху жить-ему"' и др.

По наблюдению Е.И. Мартыновой (Мартынова 1993: 14), посессивная форма инфинитива с целевой семантикой в северных диалектах используется также с глаголами "активной сознательной деятельности", к которой ею относятся глаголы типа *təmtuqo* 'купить' и т.п.

Из приведенных примеров видно, что супин, не имеющий всех финитных глагольных форм, тем не менее, выполняет функцию так называемого неконечного сказуемого (иначе его можно назвать второстепенным сказуемым). Это такое сказуемое, которое обозначает зависимое действие в составе осложненного предложения и как бы берет на себя функцию целевого союза, отсутствующего в полипредикативных конструкциях, в построении которых и участвуют инфинитивные формы. Сказуемое зависимой части предложения наделено показателями этой зависимости: так, оно может соотноситься с подлежащим основной части. В том случае, когда два предиката (главный и зависимый) соотнесены с общим для них субъектом, что выражается с помощью личнопритяжательных показателей, можно говорить о моносубъектных (односубъектных) полипредикативных конструкциях. Если же в конструкции каждая из ситуаций (главной части и зависимой) характеризуется своим субъектом и предикатом, то мы будем иметь дело с полисубъектными (разносубъектными) конструкциями. Примеры из корпуса 1941 г.:

– (моносубъектная конструкция) *Nunu tər qaryt numyl' mätyt okoškəp mequntoqo qəŋna* 'Потом он утром, (чтобы) окошко церкви сделать-ему /-он, пошел';

– (полисубъектная конструкция) *Kaksal' timnantysä ružip üssamysä totyrysylyt na qasap qəttuntoqo* 'Какса с братом-своим русского на нарточках тянули-вы, (чтобы) этого казака убить-тебе /-ты'.

Ср. аналогичные примеры из корпуса 1993 г.:

– (моносубъектная конструкция) *Mat tüsak tašiny qəŋqunōqo* 'Я пришел, (чтобы) тебя убить-мне /-я';

– (полисубъектная конструкция) *Ukkypar lōs-ira šötty qəŋpəny, ūjajap mētty taqutymraty kəsyj mētāsä, ponä ašša paktyquntōqa* 'Однажды черт-старик в лес ушел, мальчика в доме запер железной дверью, (чтобы) наружу не выбежать-ему/-он' (чтобы не выбежал он).

В отличие от простого инфинитива, тоже иногда встречающегося в значении цели, супин в предложении выполняет не обстоятельственную, как простой инфинитив, а предикативную функцию в зависимой части полипредикативной конструкции. Но если это предикат зависимой части конструкции с целевым значением, то можно предположить, что супин, по происхождению связанный с именем, есть глагольная форма целевого (интенционального) наклонения. В пользу того, что так называемые инфинитивные формы являются формами именно наклонения, говорят и факты южных селькупских диалектов, приведенные Н.Г. Кузнецовой с ссылкой на Б.А. Серебренникова. В южных диалектах инфинитивные формы простых предложений со значением цели заменяются императивом в разносубъектных целевых конструкциях (Кузнецова 1995: 228–230, 254). Точно так же И.И. Мещанинов, описывая в свое время деепричастные формы ненецкого языка, говорил, что условно-деепричастные формы,

выполняющие функцию сказуемого, "можно было бы причислить к глагольным в качестве условного наклонения, за что говорит и близость их окончаний к ... формам повелительного наклонения" (Мещанинов 1978: 318). Целевого наклонения в селькупском языке до сих пор не выделяли, но не исключено, что оно имеется, и то, что можно назвать супином (иначе – инфинитив в лично-притяжательной форме транслатива), является в северных диалектах основной формой его выражения.

С точки зрения функционально-семантической теории поля в селькупском языке в пределах поля интенциональности (категории цели) наряду с рассмотренной "супиной" формой выражения целевого наклонения используются деепричастные формы, простой инфинитив, отглагольные имена действия и отдельные падежи как периферийные способы выражения поля "интенциональности".

В заключение следует сказать несколько слов о современном употреблении в северных диалектах селькупского языка так называемых инфинитных форм.

В записях 1998–1999 гг. в живой речи жителей села Фарково обстоятельственная и предикативная функции инфинитива смешиваются, и супин нередко заменяется под влиянием русского языка простым инфинитивом (но не наоборот!). Так, фраза *Qur qassa maconty orqylqo ätätyp* 'Человек ушел в лес ловить оленей' у Г.Н. Прокофьева содержит форму супина: *Qum maconty qänny ätänty orqylqontoqo* 'Человек в лес ушел, оленей своих чтобы ловить' (Прокофьев 1937: 122) (это перевод Г.Н. Прокофьева. Буквальный перевод: 'Человек в лес ушел оленей-своих ловить-ему'). Подобные замены легко объяснимы. В русском языке в придаточных цели, вводимых союзом *чтобы*, употребляется либо инфинитив, как и в простых предложениях с инфинитивом в обстоятельственной функции, либо финитная форма глагола. В результате, когда в селькупскую речь проник русский союз *štop*, стало в равной мере допустимо употребление в конструкции с ним инфинитива и глагола в финитной форме. При переводе предложений с целевым инфинитивом с русского языка на селькупский информанты, даже знающие родной язык, испытывали затруднения. Колеблясь, они давали разные варианты перевода. Например, собственную фразу, произнесенную по-русски ('Потом рассыпаю на брезенте (рыбу), чтоб немного высохла') селькупка переводила на селькупский язык следующим образом: *Nŷny brezentinty sitä qamtel'am štop kybaka tãqyrnija/tãqyrneja/tãqyrqyntõqo*. Разносубъектные конструкции при переводе вызывают наибольшие трудности. Фразы 'Он пошел (в лес) собирать ягоду' и 'Он пошел (в лес), чтобы собирать ягоду' другая селькупка перевела сначала как *Tär qassa topyr taqqylqo*, затем как *Tär topyr taqqylqo qassa* и, наконец, вспомнила: *Tär qassa topyr taqqylqontoqo*. Затем добавила: "раньше говорили, а теперь редко говорят".

Литература

- Варковицкая, Л.А. 1941: Архивные материалы. Тетради 1 и 2.
Казакевич, О.А. 1990: Использование ЭВМ для исследования бесписьменных и младописьменных языков (на материале селькупского языка). Москва.
Коваленко, Н.Н. 1984: Инфинитные глагольные формы в системе зависимой предикации (на материале нганасанского языка). Москва.
Кузнецова, А.И. 1994: [рец. на диссертацию Е.И. Мартыновой 1993] – *Linguistica Uralica* XXX, 1: 69–74.
Кузнецова, Н.Г. 1996: Полипредикативный синтаксис и развитие самодийской глагольной парадигмы. – *Linguistica Uralica*, XXXII, 3: 187–193.
– – 1995: Грамматические категории южноселькупского глагола. Томск.
Мартынова, Е.И. 1993: Состав и синтаксические функции инфинитных форм селькупского глагола. Новосибирск. Автореферат канд. диссертации.
Мещанинов, И.И. 1978: Члены предложения и части речи. Ленинград.
ОФУЯ = Основы финно-угорского языкознания: Прибалтийско-финские, саамский и

мордовские языки. Москва.

Очерки 1980 = Кузнецова, А.И.–Хелимский, Е.А.–Грушкина, Е.В.: Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. I. Москва.

Очерки 1993 = Кузнецова, А.И.–Казакевич, О.А.–Иоффе, Л.Ю.–Хелимский, Е.А.: Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. II. Москва.

Прокофьев, Г.Н. 1935: Селькупская (остяко-самоедская) грамматика. Ленинград.

-- 1937: Селькупский язык. – Языки и письменность народов Севера. Москва–Ленинград. Ч. I.

Уральские языки = Языки мира. Уральские языки. Москва, 1993.

Хакулинен, Л. 1953: Развитие и структура финского языка: Фонетика и морфология.

Москва, 1953. Ч. I; Лексикология и синтаксис. Москва. Ч. II.

Хелимский, Е.А. Селькупский язык. – Уральские языки. 369–370.